

К 84
К 78

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ГВАДЕЛОРКА

НОВЫЙ
РОМАН
ВЕЛИКОГО
ПИСАТЕЛЯ!

ГВАДЕЛОРКА

488364

СОБД и Ю
Отдел хранения

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВЛАДИСЛАВ
ВАНДЕРЛИНГ
КРАПЛИНА
СЕРГЕЙ
ТРАПЕЦНИКОВ

ТРАПЕЦНИКОВ

ВЛАДИСЛАВ
КРАПИВИН

БРИГ «АРТЕМИДА»
ГВАДЕЛОРКА

К 8А
К 78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ГВАДЕЛОРКА

488364

ЭКМО
МОСКВА
2009

Областная библиотека
для детей и юношества
г.Екатеринбург

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 78

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *С. Атрошенко*

Крапивин В. П.

К 78 — Гваделорка : фантастический роман / В. П. Крапивин. — М. : Эксмо, 2009. — 384 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-33472-8

Эта книга является второй частью дилогии «Стальной волосок». В первой части дилогии, романе «Бриг «Артемида», рассказывалось о событиях, происходящих в XIX веке, «Гваделорка» рассказывает уже о современных школьниках, разгадывающих сложные и запутанные тайны прошлого.

УДК 82-312.9
ББК 84 (2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-33472-8

© Крапивин В.П., 2009
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2009

САМЫЙ ДЛИННЫЙ
ДЕНЬ

Помидоры

1

Помидоры сияли на солнце. Горели, как стоп-сигналы, собранные в большую горсть. Они лежали в сумке, сплетенной из капроновой лески, и вместе с ней качались над немощной дорогой деревянной улицы. Сумку несла пожилая особа с прямой спиной. Она держала сумку в левой руке, а в правой — крепкую трость с узловатыми гладкими суставами.

Особу украшала сверху белая кружевная кепочка, а костюм ее состоял из похожей на мешочный куль кофты и узких клетчатых брюк.

Судя по трости и походке, характер у пожилой дамы был твердый.

За хозяйкой помидоров следовал в десяти шагах герой нашей книги — московский пятиклассник Ваня. Точнее — шестиклассник, поскольку с пятым классом он покончил счеты три недели назад.

В начале июня Ваня приехал сюда на каникулы и теперь не спеша, с осторожным любопытством, знакомился с неведомым раньше городом...

А за решительной дамой Ваня шел просто так, без особых причин. Нравилось Ване смотреть на помидоры, от которых будто бы разлетались алые бабочки. Так ему казалось сначала. А сравнение со стоп-сигналами пришло во вторую очередь, но тоже было интересным...

«Конечно, помидоры — нездешние, — в такт шагам думалось Ване. — Южные какие-то. В этих краях для «томатного урожая» время придет еще не скоро...»

Стояло позднее июньское утро — жаркое и безоблачное. Нагретая дорожная пыль была тонкой, как серая пудра. Она припорошивала плетеные Ванины башмаки и успевшие подзагореть щиколотки. Извилистая улица тянулась среди утонувших в кленовых зарослях заборов, кривых домиков и сараев. Она была почти пуста (если не считать дамы с помидорами, Вани, рыжего кота в развилке столетнего тополя и кудлатого пса, разморенно дрыхнувшего на обочине). Потом сзади послышались лихие вскрики и шуршанье колес, появились трое на велосипедах.

Помидорные стоп-сигналы были наездникам не указ. Парни не сбавили скорость. Они со свистом пронеслись справа от Вани, а затем — слева от дамы с тростью. Тот, что впереди, крепко задел Ваню локтем, а задний зацепил педалью капроновую сетку. Сетка порвалась. Помидоры, как сбежавшие от бабки красные колобки, запрыгали в пыли.

Велосипедисты умчались вперед и весело затормозили у древних, украшенных остатками деревянного орнамента ворот. Коротко оглянулись, хохотнули. Заговорили между собой — крикливо и неразборчиво. «Ковбой недостреленные...» — мелькнуло у Вани (задетое твердым локтем плечо побаливало).

Хозяйка помидоров резко нагнулась, потом снова выпрямилась и вскинула подбородок. Теперь она стояла к Ване боком. Поза у женщины была надменная, и все же Ваня сразу увидел, что никакая она не «особа», а растерявшаяся интеллигентная бабушка.

— Хулиганы, — сказала бабушка, но не со злостью, а как-то вопросительно. Подумала и добави-

ла: — Просто шпана какая-то... — И посмотрела на Ваню. Наверно, в первый момент решила, что он из той же компании. Но не стоило труда, чтобы понять: явно не из той. Потому что поменьше и без «колес» и вообще не «хулиган» и не «шпана», а обычный мальчишка — вроде тех, что сейчас гоняют мячи на ближней спортплощадке у студенческого общежития.

Конечно, не было у мальчика никаких «столичных признаков», да и быть не могло, поскольку большинство пацанят такого возраста выглядят нынче одинаково на всем белом свете. Слегка растрепанный и непричесанный, но в общем-то «приличный ребенок» — в аккуратных плетенках на босу ногу, в похожей на футбольную форму одежонке из синей хлопковой ткани (недавний подарок бабушки Ларисы Олеговны, маминой мамы). Малость испуганный, но больше — раздосадованный.

Таким Ваня увидел себя как бы со стороны, глазами стоявшей неподалеку старой незнакомки.

Если бы в самом деле существовала футбольная команда с такой вот формой, называлась бы она, скорее всего, «Рыцарь» или «Айвенго». Потому что на рубашке была разноцветная, размером с кулак эмблема — голова в шлеме с поднятым забралом и надпись готическими буквами: «Ivanhoe».

Надо сказать, что этот вышитый знак в какой-то мере влиял на Ванино ощущение жизни. Не сильно влиял, почти незаметно, и все-таки... Посудите сами — одно дело, когда над карманом какой-нибудь Винни Пух или Микки-Маус, а другое — когда такой вот рыцарь. Как говорится, без страха и упрека... И Ваня остался на месте, хотя первое желание было удалиться независимой походкой: я, мол, ни при чем и ввязываться не обязан.

Он не удался, что и послужило причиной событий, без которых не было бы этой истории...

— Безобразники... — выговорила «помидорная бабушка» со слабеньким таким ожесточением. «Ковбои» хохотнули опять, а самый большой и тощий оглянулся. Сказал назидательно:

— Не надо ходить по дороге, сударыня. На то есть в нашем городе тротуары.

Тротуары и в самом деле были — хлипкие мостки в три доски, тянувшиеся вдоль заборов среди лебеды и сурепки. Ходить по ним — ноги ломать.

Ваня встретился с «сударыней» глазами. Вино вато мигнул. Оставалось одно — сказать: «Давайте, я вам помогу...» Он так и сделал. Подобрал из пыли и пушистых одуванчиков сетку, расправил. Дыра оказалась большущая (все помидоры выкатились). Ванина рубашка была без пуговиц, со шнуровкой на груди. Он выдернул шнурок и крупными витками стянул края капроновой прорехи. Сел на корточки и стал складывать в сетку помидоры. Хозяйка их сказала с высоты роста:

— Спасибо, голубчик... Слава богу, в нашем городе есть еще нормальные дети...

Мальчик Ваня (который был не из «нашего города») застеснялся пуще прежнего, заспешил. Потерял равновесие и встал коленом на коварно подкатившийся помидор. Один их самых крупных. Бр-р, будто придавил медузу...

— Ой, простите, я нечаянно...

— Какие пустяки... Но смотри, ты испачкал ногу.

— Какие пустяки... — бормотнул Ваня. Получилось будто нарочно, в тон собеседнице, и он смутился снова. Быстро встал, протянул нагруженную сетку. — Вот... готово...

— Спасибо, мой хороший...

В этот момент «ковбои» у ворот громко загого-

тали. Ваня бросил на них короткий, как выстрел, взгляд. Нет, они смеялись, конечно, не над ним и не над хозяйкой помидоров. Они сидели на великах, обернувшись к мальчишке и бабке пестрыми спинами. Старший (который обмолвился про «трогуары») был ближе всех. Его оттопыренные уши розово светились на солнце, рыжеватая стрижка-ежик искрилась. А крепкая голая шея была... такая соблазнительно-беззащитная.

Внутри у Вани случилась «отключка». Так он называл моменты, когда словно исчезали тормоза. Это случалось редко: например, если боялся, боялся, а потом с размаха перелетел через высоченного «коня» в спортзале; или вдруг возненавидел себя за трусость и сиганул с самой верхотурной площадки в бассейн; или с маху въехал по щекастой роже семиклассника Гути, который измывался над паданенком из третьего «А» (ух как брызнуло у того из носа! «Елена Аркадьевна, я не понимаю, что с вашим мальчиком! Всегда был такой сдержанный, покладистый и вдруг... Если такое повторится, может встать вопрос о его переводе из гимназии в школу по месту жительства...»).

Вот и теперь... исчезли все звуки, лишь тонко запищало в ушах. Раздавленный наполовину помидор лежал под ногами. Его уцелевший бок по-прежнему горел, как стоп-сигнал. Но не для Вани был этот «стоп». Ваня взял пострадавший «фрукт» на ладонь...

— Простите, а он вам тоже нужен?

— Ох, нет, конечно... А ты что? — услышал Ваня сквозь писк в ушах. — Решил его скушать? Не надо, он же грязный. Если хочешь, возьми целый...

Ваня не хотел его кушать. Он хотел другое и знал, что не промахнется: при «отключках» точность движений вырастала у него во много раз.

Послушный законам баллистики, алый снаряд описал длинную дугу и с чавканьем вцепился в шею «ковбойского» предводителя.

Розовые уши дернулись, как осенние листья на ветру.

— И?.. — вопросительно сказал их хозяин. Потом изумленно пропел: — И-и-и...

Медленно развернулся вместе с велосипедом. Вмиг усмотрел виновника своего унижения. Толкаясь ногами о землю, стал подъезжать — неторопливо и неумолимо (а «отключка» у Вани сразу пропала и душа опустилась в холодный желудок). Дружки пострадавшего безмолвно двинулись следом. Драпать было бесполезно — все равно догонят на великах.

Все трое остановились в пяти шагах. Предводитель нагнул к плечу голову. Сказал почти сочувственно:

— Бзя недоразвитая... Ты хоть понимаешь, что с тобой будет?

Так Ваня впервые услышал здешнее словечко «бзя», означавшее всякую никчемность. А что с ним будет, Ваня понимал. Ох как понимал...

«Ковбой»-предводитель растянул в улыбке лягушачий рот. Округлил глаза. Уши его хищно зардели.

— Хорошо-то как. У меня снова появился смысл жизни. Это — ты. Я не изничтожу тебя сразу, а буду делать это постепенно, при каждой встрече. Медленно и с удовольствием. И ты поймешь, ненаглядная лапочка, что такое вечный страх жизни...

«Владеет речью, паразит. Неокончательно тупой, — мелькнуло у Вани. — Но гад окончательный...» — Жидко-зеленые глаза врага подтверждали Ванино суждение. Они были безжалостны, несмотря на улыбку. А два других «ковбоя» были «никакие». Безмолвно лупали веками.

Их предводитель потрогал шею, облизал ладонь и еще на метр катнулся вперед. Наверно, чтобы начать программу «изничтожения».

Но «помидорная бабушка» повела себя совершенно неожиданно. Опустила сумку к ногам, левую ладонь положила на Ванино плечо, а трость мушкетерским жестом выставила перед собой. Собщила молодым голосом:

— Не советую проявлять агрессивность, молодой человек. Вы получили по заслугам и ступайте своей дорогой. Имейте в виду, что в молодые годы я занималась фехтованием...

«Получивший по заслугам» ухмыльнулся, но спорить не стал. Приложил ко лбу ладонь (так отдают честь американские военные), развернулся с велосипедом и тихо поехал прочь. Дружки — за ним. Такой исход ничуть не успокоил Ваню. Потому что его новый недруг оглянулся, и в болотных глазах было обещание.

«Черт меня дернул связываться...» — нарастала у Вани здравая и тоскливая мысль. И все же воспоминание о метком чавкающем ударе оставляло в душе некоторое удовольствие. И на миг представилось даже, что вышитый рыцарь на рубашке улыбается из-под забрала.

— Я тебе очень благодарна, мальчик, — сказала «фехтовальная бабушка» уже не юным, а обычным голосом. — А не мог бы ты оказать мне еще одну услугу?

Чтобы не казаться совсем струсившим, Ваня слабо пошутил:

— Еще в кого-нибудь вляпать помидором?

— Нет, что ты! Просто помоги мне донести сумку до дома... К тому же, тебе все равно надо взять обратно шнурок.

— Да, конечно! — В том смысле, что «конечно,

помогу» и «конечно, надо взять». А в общем-то оба понимали, что смысл в другом: лучше держаться вместе, пока враги на велосипедах неподалеку...

2

Пошли рядом, по краю дороги. Выросшие между дощатым тротуаром и обочиной лопухи шуршали по сумке с помидорами. С другой стороны тротуара, у заборов, подымались травянистые кусты. Высокие, больше Вани. С цветами разных тонов — от бедно-розовых до темно-вишневых. Формой цветы напоминали крупные головки «львиного зева». Их было много на здешних улицах, и Ване они нравились. В Москве ничего похожего не встречалось. «Орхидеи да и только...»

Ваня однажды спросил у бабушки Ларисы Олеговны, как по-настоящему называются эти «орхидеи». Та не знала. «В прежние времена их не было, они стали появляться несколько лет назад, все разрастаются и разрастаются. Прямо... марсианские посланцы какие-то...»

«Марсианские посланцы» — это само по себе было привлекательно. Таинственно даже. И Ваня тогда впервые подумал, что город Турень, куда его «сослали», не столь уж плох...

Было в городе что-то *такое*... От сказок Андерсена или от мушкетерской поры, или от том-сойеровского Сент-Питерсборо. Деревянная старина перепутывалась с новыми, но тоже похожими на старинные, кварталами. Белая колокольня древней церкви подымалась в облака вместе с башнями и шпилями университетских корпусов. На шпилях красовались узорные железные флаги и корабли. Подождать немного, присмотреться — и появится

среди них Карлсон с пропеллером или растрепанная тетка на метле...

Через дворы и улицы тянулся глубооченный заросший овраг (некоторые утверждали, что это бывший крепостной ров). В нем тоже цвели «марсианские посланцы». Таинственно журчала внизу невидимая речка Туренка. Овраг назывался «лог». От лога, мимо покосившихся домов с деревянной резьбой, чугунных решеток и длинных факультетских зданий с полукруглыми окнами уходили к реке широкие мостовые. Река была ничуть не уже, чем в столице. И обрывы над ней напоминали Воробьевы горы...

Конечно, не вся Турень была такая. В современных районах, куда бабушка Лариса Олеговна возила внука покупать летнюю одежду и обувь, все напоминало Москву. Но потому Ваня и смотрел там вокруг без интереса. Что он, не видал проспектов, супермаркетов с эскалаторами, многоэтажек и площадей с фонтанами?..

Здесь, в районе исторического центра, в который аккуратно вросли новые университетские кварталы, было совсем по-другому. Тоже порой шумели машины, однако слышался и стрекот кузнечиков. И густо летали над подорожниками и клевером коричневые бабочки...

Жаль только, что и в этих местах у Вани появились теперь недруги...

Ваня украдкой оглянулся: не движутся ли недруги следом? Те двигались, но в отдалении. Делали вид, что едут по своим делам. «Ага, по своим... Знаем мы эти дела...»

Идти молча было неловко. Ваня совсем уже решился поинтересоваться: не знает ли его спутница, как называются «марсианские» цветы у заборов? Но вместо этого вдруг спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы правда занимались фехтованием?

Спутница откликнулась охотно:

— Что ты! Нет, конечно! Это я сказала так, для храбрости. Но я в школьные годы очень любила смотреть фильмы про рыцарей и мушкетеров. Эти кинокартины были тогда черно-белые, иностранные и назывались «трофейные». Попали к нам во время войны с Германией... Ужас, какие давние времена, да?.. А еще я не хуже мальчишек сражалась на палках, когда играли в пиратов и Робин Гуда... А как тебя зовут, юный рыцарь?

«Рыцарь...» Это она из-за вышивки на футболке или из-за того, что отомстил обидчику? (Ох, лучше бы этого не было!)

— Меня зовут Ваня, — сообщил он со вздохом.

— Замечательное имя! А меня Любовь Петровна... А во времена сражений на палках звали меня Люба или даже Любка. Или, бывало, Любка-Синяпка...

— Как? Простите, я не расслышал.

— Си-няп-ка... Потому что девичья фамилия была Грибова. А в ту пору все знали дразнилку-считалку: «Грибки-обабки, рыжики, синяпки...»

— Если правильно, то, наверно, синявки, — деликатно уточнил Ваня.

— Если правильно — да. Но кто из нас в те времена обращал внимание на грамматику! — Любовь Петровна шагала широко, постукивала палкой о дорогу и смотрела прямо перед собой. Похоже, что стремительно укатилась памятью в прошлое. Но через несколько шагов встряхнулась. — А ты, Ваня, откуда появился в этих местах? Раньше я тебя не встречала...

— Я из Москвы. На каникулах у бабушки... ко-

торуую, кстати, раньше никогда не видел. Так получилось...

— Вот как! — почему-то обрадовалась Любовь Петровна. — Это, наверно, замечательно — жить в столице! А?

— М-м... не знаю. По-моему, обыкновенно. Да я подолгу нигде больше и не жил, сравнивать не с чем...

— Я в прежние годы нередко ездила в Москву, гостила там у друзей. Это было прекрасно... Впрочем, по-всякому... Ну вот, мы и пришли.

Ваня завертел головой (и при этом зацепил глазом притормозивших в отдалении недругов). Куда пришли-то? Рядом — бревенчатая стенка выходящего на улицу сарая, а дальше — очередной забор с торчащими над ним верхушками кленов... Ой, нет! В заборе была дощатая калитка с тяжелым железным кольцом. Любовь Петровна с натугой повернула кольцо, калитка отъехала внутрь.

— Входи, Ванечка. Здесь наша «тихая обитель»...

Двор был просторный, заросший, как и улица. По краям — какие-то будки и хибарки, а посреди двора — длинный кирпичный дом. Трехэтажный, но не высокий. С обвалившейся здесь и там штукатуркой. С крутой железной крышей, где торчала треугольная чердачная будка. К будке вела из лопухов приставная лестница. На ее ступеньках сохли плетеные половики. На самой нижней сидел пестрый петух гордо-обиженного вида.

— Строение столетней давности, — сообщила Любовь Петровна. — Бывший доходный дом купчихи Мелентьевой. Представь себе, памятник старины, хотя ничего знаменательного, кроме возраста, в нем нет. Городские власти там и тут сносят деревянные дома с уникальной резьбой и кружевной жестью, а этого монстра трогать запрещено.

А поскольку запрещено, то и жильцов не расселяют. И обитают здесь люди в квартирах с ржавыми трубами и печками начала прошлого века...

— А зачем сносят-то? Деревянные... — осторожно спросил Ваня.

— Чтобы строить офисы и рестораны, разумеется. Во имя ее величества прибыли...

— В общем, как в Москве, — понимающе отозвался Ваня.

Впрочем, дом не произвел на него отталкивающего впечатления. Было в нем даже что-то... почти что приключенческое. Будто он из книжки «Корттик» про мальчишек-пионеров давнего времени. И печки там... Ване всегда мечталось о квартире с печью, в которой можно разводить живой огонь...

— Цыпа-цыпа... — тихонько сказал Ваня петуху. Тот глянул с ожиданием: что дальше? Но Ваня не знал, что дальше, и петух обиделся на жизнь еще сильнее.

Давние времена

1

Вошли в дощатые сени. Здесь пахло каким-то старьем: похоже, что заплесневелой мешковиной и гнилыми досками. Вверх вели широкие ступени, обрамленные перилами с кривыми точеными столбиками.

— Нам на третий этаж, — сообщила Любовь Петровна. — Как ты понимаешь, лифта нет и никогда не было. Для меня это не большая беда, ноги до сих пор крепкие, я тридцать лет работала в библиотеках, а библиотекари всю жизнь на ногах, за-калка. А вот мой сосед Борис Антонович со своим

остеохондрозом и артритом страдает здесь постоянно. Кстати, помидоры я несу ему: его любимое блюдо — яичница с томатами по-испански...

«Словоохотливая бабушка, — отметил по себя Ваня. — Почти как Лариса Олеговна...»

Поднялись. Оказались перед обитой обшарпанным дерматином дверью. Любовь Петровна зашарила в складках кофты.

— Где же он, ключ-то? А, вот он... Дома, конечно, никого, Борис в поликлинике, внучка с утра у родителей... Заходи...

Ваня оказался в темном коридоре (тут же зажглась лампочка). Впереди была еще одна дверь — белая и незапертая, из-за нее ударило солнце и запахло полевой травой.

488364

— Ну вот, это мои апартаменты. Прописана я здесь одна, но чаще живу с внучкой, она то и дело сбегает ко мне из родительского дома...

«Апартаменты» состояли из двух комнаток с цветастыми обоями и тюлем на квадратных окнах. На круглом столе с кружевной скатертью стояли два большущих букета ромашек.

Ваня опустил у порога сетку с помидорами.

— Вот... Любовь Петровна, я пойду...

— Ну что ты, что ты так сразу! Передохни...

— Я не устал...

Он и правда не устал, но... где гарантия, что «ковбой» не крутятся поблизости и не ждут свою жертву?

— Заходи, Ванечка, я заварю чай. У меня еще осталось из прошлых запасов вишневое варенье. Посидим, и ты расскажешь про Москву. Хотя бы немножко...

Ваня зацарапал друг о дружку башмаками-плетенками. Они охотно снялись, оставив на ступнях незагорелый узор от ремешков.

— Ох, да зачем ты разуваешься! У меня все равно не подметено... Ну ладно, проходи... Подожди-ка! Я на улице и не разглядела: ты прямо как из кровавой битвы! Вся нога в красном...

И правда, колено было в подсохшем помидорном соке.

— В коридоре дверца налево, там умывальник. А на полочке бумажные салфетки. Сходи, вымой и вытри. Выключатель снаружи...

В тесной кабинке пахло всякими туалетными снадобьями. Вода из крана ударила неожиданно тугой холодной струей. Ваня подставил губы. Ему нравилось, что в этом городе можно пить воду прямо из-под крана. Не то что в «матушке-столице». Потом он смыл помидорный сок и прилипшие семечки, вытер колено жесткой бумагой... В этот момент в просторном кармане на бедре зашевелилась, запикала плоская коробочка мобильного. Бабушка Лариса Олеговна волновалась:

— Ванюша, ты где гуляешь? С тобой все в порядке?

Он скривился (здесь-то это можно): терпеть не мог, когда звали его «Ванюша». Но ответил вполне любезно:

— Все хорошо, Лариса Олеговна... — (Они в первый же день знакомства договорились, что ни «бабушкой», ни «бабой Ларой» звать он ее не будет. «Не такая уж я древняя...») — Брожу по переулкам, знакомлюсь с окрестностями. Недалеко от дома. Скоро вернусь. А вы сделаете к обеду окрошку?.. Спасибо!

Он вернулся в комнату. Любовь Петровна мурлыкала простенькую мелодию вальса и расставляла рядом с букетами чашки и вазочки.

— Сейчас все будет готово. Садись к столу...

Ваня боком сел на заскрипевший гнутый стул.

Почему-то вдруг застеснялся. Поджал ступни с незагорелым узором, колупнул с колена несмывшееся семечко, глянул за окно. Сквозь тюль смутно видна была тополиная крона. А что еще там на улице — неизвестно.

Мысль о коварных врагах сидела занозой. «Не отступятся ведь, это для них приключение...» Но потом Ваня подумал: «Гляну в щель у калитки; если «ковбои» там, пойду по двору, поищу, нет ли другого пути — через забор или в щель...» Стало поспокойнее.

2

Любовь Петровна принесла чайники, утвердила их на проволочных подставках. Потом — плетеную корзинку с печеньем.

— Давай, Ванечка, я налью. Какую тебе заварку? Покрепче?

— Средне... — сказал Ваня (вообще-то ему было все равно). — Спасибо...

— Накладывай варенье... А скажи, далеко отсюда живет твоя бабушка?

— Недалеко. В профессорском доме, рядом с математическим факультетом. Это наискосок от католического костела, знаете?

— Ну, разумеется! Я, голубчик, весь город знаю, а здешние места тем более. Они — родные... А что, бабушка работает в университете?

— Дедушка работает... — Ваня был рад, что разговор завязался простой, не надо ломать голову, про что говорить. — Он даже не родной дед, а второй муж моей бабушки. Но они давно поженились, меня тогда еще не было... Они с бабушкой жили в Новосибирске, а год назад Константина Матвеевича, это дедушка, пригласили работать сюда. Предложили всякие там «улучшенные условия» и боль-

шущую квартиру... Я до сих пор путаюсь в ней, в комнатах и коридорах... А Константин Матвеевич радуется: «Впервые в жизни у меня нет проблемы с расстановкой книг»...

— Такие квартиры дают, наверно, лишь известным специалистам.

— А он известный... в достаточной степени... Профессор, доктор всяких компьютерных наук. Что-то связано там с искусственным разумом... то есть с ин-тел-лектом...

Он думал, что Любовь Петровна спросит фамилию деда, но та, видимо, постеснялась. И сказала:

— Ох, я ничего не понимаю в этих вопросах.

— Константин Матвеевич однажды сказал, что он сам ничего в них не понимает. Как-то разговорился и выдал такую фразу... Я даже запомнил ее от слова до слова..

— Ну-ка, любопытно...

— «Мы слишком о себе возомнили. На самом деле база наших знаний — это смесь молекулярных теорий, квантовой механики и древних философий, и мы оттуда тянем соки, как трава с твоей фамилией тянет из полезных растений...»

— Батюшки! А что у тебя за фамилия?

— Фамилия редкая, — с тайной горделивостью сообщил Ваня. — Хотя и совсем не иностранная. По-ви-ли-ка... Есть такой выюнок, который обматывает другие растения и как бы срастается с ними... Родители как-то заспорили. Мама сказала, что это трава-паразит, а папа рассердился: не может быть паразитом такое красивое растение, красота всегда полезна...

— Папа прав... Он случайно не художник?

— Он виолончелист. В симфоническом оркестре «Мелодии света»...

— Как интересно!.. Да ты пей, пей. И не забы-

вай про варенье... Наверно, ты тоже занимаешься музыкой?

— Я занимался... На фортепьяно, потом на флейте. Только... «не обнаружил талантов»... — Ваня хмыкнул. — Но папа до сих пор не теряет надежды затолкать меня в музыкальный кадетский корпус.

— А тебе, я вижу, не очень хочется?

Ваня двинул плечом:

— Не знаю... Детей ведь не спрашивают. Запишут — и куда денешься... «Ребенок все равно должен быть где-то пристроен»... — Это была мамина фраза. И Ваня замолчал. Потому что дальше могли выскочить слова: «Тем более когда разведенным родителям обоим не до сына...» Но это уже тема не для посторонних.

Любовь Петровна что-то почувяла. Помолчала, позвякала в чашке ложечкой. Спросила чуть стесненно:

— А мама... тоже музыкант?

— Нет, она организатор передвижных выставок. Ездит с картинами и художниками по разным городам... Папа тоже часто ездит, с оркестром... Вот меня на лето и устроили сюда...

— И как тебе здесь?

— Пока неплохо, — дипломатично сказал Ваня. И опять подумал о «ковбоях». Но сказал о другом: — Бабушка взяла у деда и дала мне старый ноутбук. Его можно подключать к Интернету...

— Да, нынешние мальчишки сплошь и рядом предпочитают компьютеры книгам... — покивала Любовь Петровна.

Ваня вспомнил, что она — старый библиотекарь. Наверно, ей обидно, что нынче мало читателей. И объяснил:

— Нет, я читаю... Конечно, я не такой уж активный читатель, «Гарри Поттера» одолел всего три

тома, но Интернет мне нужен как раз ради книжек. Из него можно выудить то, что нигде больше не найдешь...

— А что именно? — оживилась Любовь Петровна.

— Недавно отыскал редкий роман Жюль Верна «Юные путешественники». Ни в одном собрании сочинений его не встречал...

— Тебе нравится Жюль Верн?

— Очень!

— Но ведь нынешние школьники считают его скучным и старомодным.

— Ну и пусть считают! Мне и в классе говорили, что я «малость того»... — Ваня уже не смущался, он весело крутнул пальцем у виска. — А я все равно... Мне у него нравятся не только самые знаменитые романы, а вообще всё...

— Что же тебя привлекает в этом писателе?

Ваня нервно зашевелил ногами.

— Любовь Петровна, там... время такое. Мне кажется, лучше, чем теперь. Столько всего на свете неоткрытого и в то же время изобретения всякие. Воздушные шары, первые телефоны, электричество, пароходы... Плохо только, что тогда не было мобильных... Зато люди не те, что нынче. Будто добрее друг к другу... Хотя, конечно, тоже... И еще бывают интересные совпадения...

— Вот как?

— Да... Мама собирается в августе в круиз на Антильские острова, с заходом на остров Гваделупу. А я начал читать «Юных путешественников», и там — тоже Гваделупа. Не такой уж известный остров, и вдруг — в книжке и в жизни...

Он встретился с Любовью Петровной глазами, и показалось, что угадал ее вопрос: «А что же тебя...

то мама не берет с собой, на Гваделупу?» Стал смотреть в чашку с недопитым чаем...

— Ты, по-моему, мало ешь варенья. Не стесняйся...

— Нет, я много... Спасибо... Только мне уже пора, бабушка звонила, волнуется...

— Все-таки доешь варенье, это недолго... А я на минутку оставляю тебя, вспомнила, что надо позвонить...

Она вышла, Ваня заскреб ложечкой о стеклянную розетку, и в этот миг в кармане опять ожил телефон.

— Лариса Олеговна, я уже иду! Совсем скоро! Ой...

В телефоне был совсем не бабушкин голос. Хотя женский и... кажется, даже знакомый:

— Простите, я могу поговорить с Константином Матвеевичем?

— У него сейчас другой номер...

— Извините, а вы его не знаете?

— Знаю. Давайте, продиктую...

— Будьте столь любезны...

— Пожалуйста... Восемь, девятьсот двенадцать, двести сорок четыре...

— Секундочку! Я возьму карандаш... Прошу вас...

Ваня снова начал диктовать. Отчетливо называя число за числом, он поднял глаза и увидел через открытую дверь Любовь Петровну.

Она стояла в коридоре у тумбочки, прижимала к уху телефонную трубку и, согнувшись, писала в блокноте.

— Ой...

Любовь Петровна вскинула глаза.

— Батюшки... Значит, мы беседуем друг с другом? Вот это чудеса!

Ване стало смешно.

— Ну да! А я думаю: чей это знакомый голос? Опять совпадение, почти как у Жюля Верна...

— Выходит, Константин Матвеевич Евграфов — твой дедушка?

— Да! — (снова уточнить, что не родной, не имело смысла). — Значит, вы знакомы?

Любовь Петровна положила трубку на рычаг, вошла, встала у порога. Забавно почесала карандашом висок.

— Знакомы ли... Трудно сказать. Скорее всего, он меня и не помнит. Мы учились не в одном классе, а в параллельных... В том году произошло слияние женских и мужских школ, я из двадцать первой попала в двадцать пятую, не сразу познакомилась со всеми... Но у меня есть старый снимок, на котором мы с твоим будущим дедом почти рядом. На пионерском субботнике в Городском саду. Это там, где нынче Центральный бульвар... Хочешь посмотреть?

— Конечно! — Было и в самом деле интересно: как выглядел пожилой профессор Евграфов полвека назад? Даже больше, чем полвека...

Любовь Петровна вытянула ящик старомодного комода, достала пухлую папку, сразу нашла нужную фотокарточку. Чуть больше открытки...

Выглядел он... несовременно. Как мальчишки в старых фильмах. Как школьник Волька Костыльков в кино про Хоттабыча. Фуражка военного образца, широченные брюки, блуза с бляхой. Галстук-косынка поверх блузы... А лицо под козырьком толком и не рассмотреть, только чубчик торчит из-под козырька. Пионер Костя Евграфов воткнул лопату в кучу прошлогодних листьев и грудью налег на черенок. А в двух шагах от него стояла тощая девочка с граблями. С насупленными бровями и приоткрытым ртом. Щекой прижималась к длинному черенку. Ви-

димо, Люба Грибова. Она была в платье с черным фартуком и в резиновых сапогах на тонких ногах.

— Шестой класс... — вздохнула Любовь Петровна. — У мальчиков тогда впервые появилась школьная форма, такая вот. Впрочем, ненадолго, скоро ее поменяли на костюмы с пиджачками. А то с первого класса будто солдафоны какие-то...

— Думаете, он вас не помнит? — осторожно сказал Ваня. — Вы же несколько лет были в одной школе...

— Я после седьмого класса уехала в Омск и жила там два года. Вернулась только в десятом. Костя и тогда не смотрел в мою сторону. Было на кого посмотреть и без меня... Его в ту пору звали Граф. Е, Вэ, Графов, «его высочество Граф». Был он изящен, резок в суждениях, часто спорил с учителями, но без грубостей, а иронично и вежливо... Девочки по нему обмирали...

«Граф» — кажется не «высочество», а «сиятельство», — подумал Ваня. Но сказал не то:

— Его и сейчас иногда Графом зовут. Бабушка Лариса Олеговна... А вы хотите с ним увидеться, да?

— Я совсем недавно узнала, что Константин Матвеевич вернулся в Турень. Мне достали его телефон. Сейчас в двадцать пятой школе есть нечто вроде Клуба ветеранов, там встречаются те, кто... еще остались на этом свете и не забыли ученические годы. А профессор, видимо, про это не знает, весь в своих научных проблемах. Вот я и решила его... так сказать, приобщить... Ванечка, будь добр, продиктуй до конца номер телефона.

Ваня продиктовал. Потом подержал еще перед глазами снимок. От старой фотобумаги почему-то пахло не то корицей, не то ванилью.

— Любовь Петровна, я ему... дедушке, расскажу про вас. А теперь я пойду, ладно? Пора...

— Давай я тебя провожу! А то вдруг эти «велосипедные витязи» вертятся поблизости...

— Нет, что вы! Наверняка уже укатили... А если что — удеру, — сказал Ваня весело и без лишнего героизма. — Махну через забор — не догонят...

— Заходи в гости. С тобой интересно беседовать. Я тебе в нашей библиотеке присмотрю что-нибудь из старых жюль-верновских изданий...

— Спасибо!

Полуденный выстрел

1

Любовь Петровна еще раз сказала «заходи в гости», притворила за Ваней дверь, и он стал спускаться по ступеням. Неторопливо и без всякого желания.

Но полпути ему встретилась девочка лет десяти. Тощенькая, в светлом платице с матросским галстучком, ничем не приметная. В лестничном полумраке лица и не разглядишь. Ваня заметил только вздернутый нос и очень светлые реденькие волосы, расчесанные на пробор. Посторонился, прижавшись поясницей к перилам. Надо было бы, наверно, сказать «привет» или «здрaсте» (небось, внучка Любви Петровны), но он постеснялся. Так, молча и разошлись...

После темной лестницы двор показался очень ярким. Ваня сошел с крыльца и затоптался. Надо было пойти к калитке и выглянуть: нет ли поблизости неприятелей. Но... не хотелось. Может, лучше сразу в дальний край двора, а там — на поленницу, на забор и в переулок, где его, Ваню, вовсе не ждут?

Он не успел принять решение.

— Подожди! — долетел с крыльца голосок.

Это была девочка. Та самая. Смотрела, тревожно мигая белыми ресницами.

— Ты — Ваня?

— Д... да, — съезженно сказал он и тоже мигнул.

— Вот... Ты забыл у бабушки шнурок. Она велела вернуть...

Девочка держала синий шнурок от футбольной рубашки двумя пальчиками.

— А... да... Спасибо... — Ваня начал неловко продергивать завязку с пластмассовыми кончиками в отверстия на ткани. Старательно так продергивал и смотрел вниз. И разглядел, что на девочке такие же плетенки, как у него. Тоже на босу ногу. Только размером поменьше... Она вся была «поменьше». Где-то на год помладше Вани и ростом ему до уха. Щуплая такая, с колючими поцарапанными локотками.

Ваня продернул шнурок и стал его старательно завязывать. Идти через двор к забору на глазах у девочки было неловко (вдруг догадается о его страхах!). А соваться к калитке — немалый риск.

«Чего она торчит тут, не уходит!..»

Девочка потрогала на виске белобрысую прядку (Ваня заметил, что прядка не совсем белая, а с чуть желтоватым отсветом). Девочка сказала:

— А еще...

— Что? — бормотнул Ваня, завязывая шнурок на третий узел.

— Бабушка попросила... чтобы я тебе показала безопасную дорогу. Потому что тебя на улице караулят хулиганы. Она разглядела в окно...

Когда Любовь Петровна успела это разглядеть и рассказать все внучке? Впрочем, какая разница! У Вани от неловкости зачесались уши. Но... изображать бесстрашного героя было глупо. Во-первых, девчонка все равно все понимала, а во-вторых... ес-

ли поймают — накостыляют так, что век не забудешь. А могут и мобильник отобрать...

Ваня посопел и небрежно спросил, глядя на девчонкины плетенки:

— Что за дорога-то?

— Пойдем... — Она спрыгнула со ступеньки, оглянулась и зашагала по тропинке среди подорожников. Ване что делать? Пошел следом (петух на лестнице проводил его насмешливым взглядом).

Девочка шла туда, куда собирался и Ваня — к дальнему забору с поленницей. Но карабкаться на поленницу они не стали, а пролезли в тесный промежуток между дровяным штабелем и досками (девочка — впереди, смущенный и послушный Ваня — следом). Виновато смотрел на ее тонкую шею с белым пушком. Шея была открыта, потому что волосы разделялись на две короткие косички. Девочка отодвинула на заборе доску, скользнула в щель, оглянулась:

— Пролезешь?

Ваня пролез без труда, только слегка зацепился карманом с мобильником.

За щелью открылся длинный проход: слева глухая кирпичная стена, справа — забор. Было видно, что шагов через двадцать проход поворачивает влево. А что дальше — непонятно.

— Дальше — еще одни двор, с огородом, — словно в ответ Ване сказала внучка Любви Петровны. — Его надо проскочить незаметно... А потом будет в кустах тропинка, она приведет на край лога. А там дорожка, между логом и спортплощадкой... Квакер туда не пойдет, не догадается.

— Кто не пойдет?

— Квакер. Тот, кто тебя ищет... Это не имя, а прозвище. Потому что такой вот... лягушачий портрет. Видел, как он улыбается?

«Квакеры — это вроде бы секта была такая в Америке», — вспомнил Ваня. Но не стал уточнять, хмыкнул:

— Прямо партизанская война с этим Квакером... — Было все-таки стыдно, что приходится убегать и прятаться с помощью девчонки.

— Конечно, война, — согласилась девочка. — Но мы его перехитрим. От спортплощадки всего квартал до твоего дома. Ты не бойся...

«Я и не боюсь», — хотел ответить Ваня и понял, какое это будет глупое вранье. Спросил насупленно:

— А откуда ты знаешь, где мой дом?

— Бабушка сказала. И еще сказала, что с твоим дедушкой училась в школе...

«Когда она успела? — подумал Ваня. — И про адрес, и про деда, и как меня зовут... Видать, я долго топтался на крыльце...» — И вспомнился петух с насмешливым взглядом.

Девочка не спешила. Остановилась и будто прислушивалась. Наконец позвала:

— Ну, идем...

Середина прохода заросла темной травой с узорчатыми листьями, вроде как у полыни. Ростом выше колен. А вдоль забора тянулась неширокая тропинка. Девочка шагнула на нее. Ване надоело быть все время позади, он решил пойти рядом с девочкой — прямо через травяную чащу. Девочка быстро оглянулась, уперлась ему в грудь ладошками.

— Что ты! Не ходи там!

— Почему?

— Это же татарская крапива! У вас в Москве такой, наверно, нет. Она в сто раз кусачее обыкновенной...

Ваня глянул недоверчиво. Трава казалась безобидной, совсем не похожей на крапиву. Но... спасительницам полагается верить. И он послушно по-

шел следом, в затылок девочке. Однако любопытство было сильнее страха. Ваня не утерпел, тыльной стороной ладони мазнул по макушке растения... «Ма-амочка моя!» Хорошо, что не вляпался ногами, а то плясал бы теперь, как на костре!

Девочка опять оглянулась.

— Зацепил все-таки?

— Чуть-чуть...

От этого «чуть-чуть» ядовитые иглы прошивали руку аж до локтя.

— Потом обмакнешь в холодную воду. Через часик пройдет...

«Ничего себе — через часик!..» Ваня на ходу лизал руку, как обжегший лапу кот.

Проход сделал поворот, и оказалось, что он упирается в крепкий, в два ребячьих роста, плетень — из толстых прутьев и березовых жердей. Девочка приложила палец к губам, раздвинула прутья.

— Ох... ну, так и есть. Пасется среди грядок...

— Кто?

— Парамоныч. Хозяин огорода. Если увидит нас, будет скандал.

Ваня тоже глянул сквозь плетень. Грузный дядька среди помидорной ботвы был старый и, кажется, хромой. Ваня азартно шепнул:

— Если рванем напрямик, он не догонит... — Хотелось показать девочке хоть какую-то смелость.

Но девочка мотнула косичками.

— Он меня знает. Сразу пойдет ябедничать бабушке.

— И что? Ты ей объяснишь, что спасала меня... Или все равно попадет?

— Да ничуть не попадет. Но он станет мучить ее разговорами про современную молодежь и

клянчить займы. На четвертинку... Давай подождем немножко...

— Давай... — Ваня снова стал лизать руку.

В кармане опять затрепыхался, запиликал мобильник.

— Ванечка, ты далеко?

— Да недалеко, недалеко! Приду уже скоро! Не волнуйтесь вы, пожалуйста!..

— Я волнуюсь, потому что ты можешь не успеть. Если начнет сильно хлестать, спрячься под навесом на автобусной остановке или в каком-нибудь магазине...

— Что хлестать?

— Да ты разве не видишь? Посмотри на небо!

В самом деле как потемнело! Ваня глянул вверх. Над кромкой кирпичной стены клубилась белесая кайма лиловой тучи. Елки-палки! А он и не обращал внимания на небо во время своего малодушного бегства от Квакера!

У здешней погоды такое свойство: среди жаркого ясного дня вдруг откуда ни возьмись вырастет грозное облако — треск, ливень, сломанные ветки тополей! А через полчаса опять солнце и благодать...

— Сейчас польет, — деловито сообщила девочка. — Но это даже хорошо. Парамоныч уберется, а мы бегом под дождем... Не размокнем, да?

— Да... — озабоченно сказал Ваня. — Только я боюсь, что намокнет мобильник. У меня уже было так в мае, в Москве. Попал под ливень, и телефон отказал. Его починили, но он с той поры крикает... как простуженный селезень. Я даже не жалею, что забыл его дома. А этот — дедушкин...

— Если дедушкин, то конечно... Тогда надо отсидеться. — Девочка сказала это с такой серьезностью, что на миг почудилась усмешка.

— Где тут сидеть-то? — буркнул Ваня. Сверху уже падали капли.

— Вон там... — Девочка потянула его за локоть назад, к повороту. В кирпичной толще стены у самой земли виднелась квадратная ниша. Высотой и шириной около метра и чуть поменьше в глубину. Ваня мельком подумал, что, наверно, стена была когда-то противопожарной защитой. Называется «брандмауэр». А в нише в ту пору стояла бочка с запасом воды...

2

В убежище влетели с разбега, завозились, устраиваясь. Девочка угодила Ване коленом в бок, он зашипел. Наконец уселись рядышком.

Сверху хлынуло. Ливень падал отвесно, стена не заслоняла от него землю. Но в углубление струи не попадали, только редкие брызги покусывали ноги. Ваня втянул их поглубже, согнул посильнее, охнул.

— Что? Руку жжет? — посочувствовала девочка.

— Бок... Ты мне врезала коленкой между ребер, она у тебя как деревяшка, — слегка дурашливо объяснил Ваня.

— Да, я костлявая, — печально призналась девочка. Ваня ощутил себя виноватым. Неловко утешил:

— Не костлявая, а... худощавая.

— Нет, костлявая... Всегда натыкаюсь суставами на что попало. Вот и на тебя... Ой! — Это сильно сверкнуло снаружи. И сразу грохнуло так, будто стена расколосась сверху донизу. Девочка вздрогнула и притиснулась к Ване — щуплым своим плечиком к его плечу (рядом с которым была эмблема «Айвенго»). Он высвободил из-под себя руку, обнял девочку за спину, пальцами обхватил другое ее пле-

чо. Без всякого стеснения. До сих пор он был «тем, кого спасала она», а теперь спасал он. Стал смелее и уверенней и как бы отдавал девочке долг.

— Не бойся.

— Ага, «не бойся»... — Она не стала освобождаться из-под руки. — Я грома и молний боюсь пуще всего на свете... Пуще пауков и мокриц...

Ваня тоже побаивался грозы, но в меру. И сейчас деловито объяснил:

— Сюда молния не влетит. Ей ведь нужно для разгона расстояние, а здесь тесно. А гром — это просто звуковой эффект...

«Звуковой эффект» грянул так, что девочкино плечо под Ваниными пальцами затрепетало, будто подбитое крылышко.

— Да не бойся ты. Здесь безопасно. Даже... хорошо.

Было и правда неплохо. Кто-то расстелил здесь сухую траву, а на нее бросил старый мешок.

— Видать, это обжитое местечко, — сказал Ваня, чтобы отвлечь девочку от страха.

— Ага... Раньше здесь жил беспризорный пес Каштан. А год назад его забрал себе Квакер...

— Значит, Квакер знает это место! — сразу встревожился Ваня.

— Его многие знают. Но Квакер же не знает, что это место знаешь ты, — обстоятельно рассудила девочка. — И не будет искать тебя здесь... Тем более сейчас...

Подтверждая это «сейчас», гроза ударила снова. Правда, уже не так страшно. Шум ливня стал ровнее, хотя и оставался сильным. Лариса Олеговна при таком дожде обязательно говорила: «Разверзлись хляби небесные...» И заводила разговор о капризах нынешней погоды, о всеобщем потеплении климата, которое на деле оборачивается похо-

лоданием, о бестолковых прогнозах синоптиков, о своей знакомой, которая работала на местной метеостанции и уволилась, потому что поругалась с начальником: он велел объявить, что на выходные ожидается прекрасная погода, хотя по всем данным следовало ждать снежных зарядов... А так же о муже этой знакомой, которому недавно сделали безболезненную операцию на почках, и о его сестре, купившей у какого-то проходимца кольцо с бриллиантом, оказавшимся простой стекляшкой...

Лишь бы не вздумала позвонить сейчас. Пришлось бы тянуться к карману за телефоном, беспокоить девочку.

Она словно угадала Ванину мысль, шевельнулась, будто хотела освободить плечо из-под ладони, но тут гром ударил с новой силой, и она опять прижалась. Надо было успокаивать снова.

— Послушай... Ты про меня столько знаешь: и откуда я, и где живу, и как зовут... А тебя как звать?

— Лариса, — быстро сказала она.

— Как мою бабушку... Но ты же не бабушка. Есть имя покороче?

— Да. Иногда зовут Лора. Или даже Лорка. Это не обидно, мне нравится.

— Конечно, чего обидного... Наоборот, красиво даже. Был такой испанский поэт, Федерико Гарсия Лорка. Его фашисты расстреляли. Очень известный поэт...

— Ты его читал? — шепотом спросила Лорка.

— Нет, — признался Ваня. — Мне мама рассказывала. Она готовила выставку иллюстраций к его стихам. В Обществе российско-испанской дружбы... Я спросил: а что по-испански значит «Лорка». А она говорит: не знаю, посмотри в словаре. Я полез в словарь, но там такого слова нет. Есть только похожее, «лоро»...

— А это что такое?

— Это значит «золотистый». Только не ко всякому существительному относится, а к полю, к хлебам. Например, «золотистая рожь»... Или... — Он запнулся, но сразу храбро сказал: — «Золотистая Лорка».

— А... что это значит?

Он сказал еще храбрее:

— Не ясно разве? Золотистая ты.

Лорка засмеялась — не очень весело, но звонко:

— Разве я золотистая? Вся белобрысая. В классе даже дразнятся иногда: седая...

Ваня не стал говорить, что дразнятся дураки: это было бы слишком просто. Он разъяснил с ученой ноткой:

— Они плохо смотрели. Все зависит от угла зрения. Я вот сегодня глянул на тебя на крыльце и увидел в волосах золотые искорки.

Лорка помолчала и шепнула:

— Правда, что ли?

— Ну подумай, зачем мне врать?

— Никогда не замечала.

— Потому что не смотрела на себя в зеркало при ярком солнце. Ты попробуй...

Лорка ничего не ответила. Повозилась, освободилась из-под Ваниной руки, попыталась натянуть на коленки подол, не сумела, уперлась в них подбородком.

— Ваня, послушай. Дождь потише стал, да?

— Потише...

Гроза кончилась так же стремительно, как началась. Вмиг ослабел и через минуту прекратился ливень. Гром прощально порокотал где-то в отдалении. Солнце окрасило желтизной край уходящей тучи.

— Кажется, отбой, — сообщил Ваня и бодро за-

возил ногами. — Подождем еще или будем выбираться?

— Будем, — решила Лорка. — Парамоныч спрятался от дождя, и надо успеть, пока не появился снова.

3

Они успели.

Воздух был сырой, плетень, сквозь который они продрались на огород, — тоже. Широколистная трава, что росла рядом с грядками, цапала ноги мокрыми ладонями (Лорка даже повизгивала). Зато огород миновали за несколько секунд. С натугой раздвинули прутья-палки в другом плетне и выбрались на дощатый тротуарчик — он тянулся по краю лога, огибал могучие кривые тополя. Пахло дождем, тополиной листвою, влажными травами. Миллионы капель в зарослях лога сияли радужными искрами. Ваня хотел постоять, подышать. Но Лорка потянула его за руку:

— Идем скорее... — Кажется, она не до конца доверяла этой прохладной благодати.

И... правильно не доверяла. Когда они свернули с тротуарчика и оказались на тропинке рядом с сетчатой изгородью спортплощадки, навстречу им вышли из-за трансформаторной будки Квакер и его дружки. «Пешком». Велосипеды держали за рули...

Перехитрили, гады! Переждали где-то грозу, вычислили путь беглецов, перекрыли дорогу. Для них, видать, это была очень важная охота. Интерес, азарт! «Смысл жизни», как выразился при первой встрече Квакер. Сейчас он с откровенной радостью улыбался лягушачьим ртом. Его дружки тоже улыбались, но как-то невыразительно. Лица их были туповато-одинаковые.